

адиакритичности, если употреблять термин Кизса) считается иногда неизбежным следствием биологической концепции расы, однако настало, пожалуй, время пересмотреть это представление. Использование современных статистических методов позволяет определять расовую принадлежность индивидуума практически безошибочно⁴. К сожалению, визуальная характеристика не столь надежна. Некоторые из определений в работе Б. В. Фирштейн вызывают сомнения. Череп, имеющий угол выступления носа 21° (рис. 5), сближен с переднеазиатским типом, другой (рис. 1), низколицый, с тенденцией к прогнатизму и носовым индексом 64 («экваториальная» комбинация!) отнесен к «смешанным европеоидно-монголоидным». В распределении типов наблюдается следующая закономерность: андроновский и переднеазиатский типы чаще встречаются среди мужских черепов, тип среднеазиатского междуречья — среди женских. На это уже обращал внимание В. В. Гинзбург, исследовавший узбекскую серию⁵. По его предположению, более сглаженные черепа (в большинстве женские) чаще относят к типу среднеазиатского междуречья, а более «матуризованные» (по нашему мнению, правильнее было бы сказать «маскулинизированные») — к переднеазиатскому и андроновскому типам. Это видно из сравнительной таблицы.

Типы	Сарматы (Б. В. Фирштейн)		Узбеки (В. В. Гинзбург)	
	мужские	женские	мужские	женские
Андроновский и переднеазиатский Среднеазиатского междуречья	34 5	12 16	47 24	2 26
Хи-квадрат	12,9		25,6	

В обеих сериях вероятность случайного распределения меньше 1:1000. Очевидно, выбранные диагностические признаки являются не столько расовыми, сколько половыми. Это, конечно, несколько снижает ценность подобных определений, что отмечает и автор.

Очень большой интерес представляет предпринятое Б. В. Фирштейн специальное изучение искусственно деформированных сарматских черепов. Эти черепа преобладают на позднем этапе, они чаще имеют монголоидные особенности в строении лицевого скелета. Автор рассматривает вопрос о влиянии деформации на различные краниологические признаки и привлекает сравнительные данные об искусственно деформированных черепах из других районов.

Отдельная глава посвящена исследованию посткраниального скелета сарматов. Приводятся совершенно новые данные о росте, пропорциях и весе тела (по формулам Дебеца). Все это определяет большую важность проделанной Б. В. Фирштейн работы.

В целом книга представляет собой значительный вклад в антропологическое изучение эпохи великого переселения народов.

А. Г. Козинцев

⁴ V. P. Chopra, I. Schwidetzky, Quantitative Rassensystematik, «Homo», Bd XXI, H. 1, 1970.

⁵ В. В. Гинзбург, Краниологическая характеристика узбеков (по материалам из кладбища Шейхантаур в Ташкенте), «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. сер. т. 82, 1963.

НАРОДЫ СССР

Ю. В. Арутюнян. Социальная структура сельского населения СССР, М., 1971, 373 стр.

Намеченный XXIV съездом партии глубокий поворот экономики к решению многообразных задач, связанных с повышением благосостояния народа, особенно поднимает роль сельского хозяйства в жизни нашего общества.

Интенсивное развитие этой важнейшей отрасли экономики во многом зависит от решения социальных проблем, затрагивающих в настоящее время более 100 миллионов человек, проживающих в сельской местности.

Ценным вкладом в разработку проблем социального планирования села является рецензируемая книга.

Значение этой книги состоит прежде всего в том, что в ней изложены важные результаты изучения сельского населения страны, полученные на основе глубокого марксистского анализа государственной статистики и материалов социологических исследований, осуществленных автором и другими советскими учеными.

Объектом исследования Ю. В. Арутюняна были Татарская АССР, Краснодарский край, Калининская и Московская области, т. е. регионы с различным национальным составом, что позволило изучать социальные проблемы сельского населения на различном этническом фоне.

Автор сумел показать, что социальная структура населения не просто и не только следствие сложившейся производственной структуры. Она оказывает в то же время (при этом в последнее время с возрастающей силой) обратное влияние на производственную и культурную среду, стимулируя их развитие. Именно поэтому разработке планов социального развития отдельных сельскохозяйственных предприятий, регионов, всей отрасли в целом непременно должно предшествовать глубокое исследование социальной структуры на разных уровнях.

Автор исследует классовое деление сельского населения, процесс стирания различий между работниками государственных сельскохозяйственных предприятий и колхозниками и указывает, что по уровню оснащенности техникой, производительности труда, эффективности производства различия между колхозами и совхозами гораздо меньше, чем раньше (стр. 118—120).

За последнее время, особенно после 1966 г., в колхозах и совхозах заметно снизилась оплата труда. После войны произошло «выравнивание» тружеников двух секторов по образованию и т. д.

Не менее интересно и то, что степень обеспеченности колхозников и рабочих совхозов подсобным личным хозяйством как в Калининской области, так и в Краснодарском крае теперь практически одинакова. Автор показал, что в настоящее время размер этого хозяйства зависит не от социального положения сельского жителя, а главным образом от величины его доходов, получаемых от общественного производства (стр. 130). Автор высказывает предположение, что в будущем подсобное хозяйство из средства дополнительных доходов перейдет в сферу досуга, развлечения, что будет отвечать эстетическим потребностям и привычкам сельских жителей (стр. 137).

Увеличение среди сельского населения доли рабочих и служащих, сокращение различий между совхозами и колхозами, усложнение структуры сельского населения — все это, по мнению автора, повышает значение всестороннего изучения классов, социальных групп их особенностей и роли в общественной организации труда и т. д. Важное значение придает автор уровню квалификации и образования как факторам, определяющим качество труда и сильно сказывающимся на процессах, происходящих в деревне.

Заметим, что многолетние исследования Ю. В. Арутюняна о социальной структуре сельского населения вызвали живой отклик в научной литературе. Можно, в частности, указать на статью В. П. Данилова в книге «Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы» (М., 1972), в которой рассматриваются важные вопросы. В. П. Данилов справедливо обращает внимание на некоторые недостатки в формулировках, относящихся к экономическим и правовым аспектам проблемы собственности. Однако с В. П. Даниловым трудно согласиться тогда, когда он во время полемики явно недооценивает роль качества труда, как фактора, определяющего положение трудящегося в социалистическом обществе. Обращает на себя внимание и то, что В. П. Данилов полностью оставляет в стороне эмпирический материал, используемый Ю. В. Арутюняном.

Специальные исследования, проведенные под руководством Ю. В. Арутюняна в Татарии, Краснодарском крае и Калининской области, показали, что с повышением уровня квалификации и образования во всех социально-профессиональных группах сельского населения, независимо от того, идет ли речь о рабочих совхозов или колхозов, возрастает социальная активность, степень участия в делах производства, коллектива (стр. 108).

Быстрый рост квалификации и образования сельского населения, о чем свидетельствуют материалы Всесоюзной переписи 1970 г. (на 1000 человек сельского населения приходилось лиц со средним, полным и неполным, и высшим образованием 499 человек, в то время как в 1939 г. — 63, в 1959 — 316) способствует реализации указаний XXIV съезда КПСС «шире вовлекать трудящихся в управление экономикой».

Повышение уровня квалификации и образования сельского населения существенным образом повлияло на миграционные процессы.

Хотя этой проблемой успешно занималось относительно много советских социологов (в частности, новосибирский социолог Т. Заславская и ее коллеги), однако Ю. В. Арутюняну удалось значительно продвинуться в изучении механизма миграции. В этой связи он сопоставляет разнообразные потребности сельских жителей, влияющие на их поведение в этой области. Одновременно автор, владея современным социально-психологическим анализом, обращает внимание на то, что, с одной стороны, далеко не всегда реальные потребности осознаются индивидуумом, а, с другой стороны, довольно часто даже осознанные потребности не завершаются актами поведения, имеющими целью восстановить равновесие между личностью и средой (стр. 244).

Важное значение придается результатам социологических исследований о степени удовлетворенности условиями работы и жизни с целью определения степени ориентации сельского жителя на изменение ее нынешнего положения.

Сведения о степени удовлетворенности работой, условиями жизни и их отдельными компонентами, равно как и о многих других проблемах, автор получает главным образом с помощью опроса сельских жителей. В целом, информация получена и обработана автором с использованием современных методов социологической науки.

К сожалению, автор не всегда уделяет должное внимание проверке достоверности и устойчивости ответов сельских респондентов на вопросы, касающиеся жизненных идеалов, нравственных представлений, межнациональных отношений, а также на вопросы менее сложного характера: о чтении газет и книг и удовлетворенности заработком, отношениями к непосредственному руководству и товарищам и т. д. Полученные данные, на наш взгляд, требуют перепроверки с помощью повторных опросов, других приемов получения сведений и т. д. Ведь и на эти ответы оказывают влияние престижные факторы, отсутствие готовности искренне сообщить о своих жизненных планах и т. д.

Однако то обстоятельство, что ответы респондентов, проживающих в столь разных регионах страны, как Калининская и Московская области, Краснодарский край и Татария, во многих аспектах совпадают и подтверждают гипотезы ученого, равно как и то, что похожие результаты получены другими социологами, позволяет нам утверждать, что Ю. Арутюнян имеет определенные основания делать выводы из собранного им эмпирического материала.

Автор установил, что с повышением уровня квалификации и социального статуса у сельского жителя растет удовлетворенность работой. Например, у механизаторов показатель удовлетворенности своей деятельностью примерно в 1,5—2 раза выше, чем у работников малоквалифицированного труда (стр. 266). С повышением уровня квалификации возрастает, если судить по ответам сельских жителей, значимость содержания труда, социальной стороны труда (отношения с коллегами, непосредственным руководством), возможности продвижения и т. д.

Благоприятное влияние повышения образования на удовлетворенность работой сказывается в полной мере тогда, когда уровень образования сельского жителя соответствует требованиям той социально-профессиональной группы, в которой он находится. При этих обстоятельствах нет расхождений между достигнутым уровнем и его претензиями. Например, для механизаторов в настоящее время достаточный уровень образования соответствует примерно неполному среднему образованию. «Избыточные» или «недостаточные» по образованию категории населения отличаются меньшей удовлетворенностью, но и поисками «выхода» из этого состояния. В частности, у людей с «избыточным» образованием повышенная склонность к мобильности, т. е. изменению социального положения, в том числе к миграции. Размышляя на эту тему, автор приходит к следующему выводу: «Чем выше соответствие личности своей ролевой функции, чем больше сходятся элементы социального статуса, тем выше социальный оптимизм (удовлетворенность); расхождение элементов статуса, несоответствие личности и ее ролевой функции — источник неудовлетворенности».

При отставании личности от среднеобщественных норм статуса возникает аномия личности (алкоголизм, преступность и т. д.), при избытке элементов статуса усиливается динамизм личности. Мера динамизма определяется частотой (степенью) вероятности мобильности (перемены среды или положения в среде), при недостатке ее — динамизм трансформируется в антиобщественную деятельность (стр. 298). В связи с этим автор обращает внимание на стремление людей находиться в среде, близкой им по соответствующим параметрам. Сила выталкивания из среды пропорциональна разнородности среды и группы (индивида), соответственно сила притяжения зависит от меры сходства среды и группы (индивида), однородности их структуры (стр. 298).

Фиксируя существование известных противоречий, возникающих в связи с усложнением профессиональной структуры сельского населения, роста ее квалификации и образования, автор решительно отвергает как нелепые, не совместимые с духом социалистического гуманизма, предположения о целесообразности сдерживания роста образования. Выход из существующего противоречия он видит прежде всего в дальнейшей индустриализации сельской экономики, широком использовании в ней достижений научно-технической революции, во всесторонней механизации и автоматизации труда, что позволит удовлетворить растущие запросы сельского населения на творческий, квалифицированный труд.

Повышение уровня образования сельского населения существенным образом повлияло еще на одну сторону жизни села — резкое возрастание потребностей в сфере культуры и быта. Сельский житель «урбанизируется» чрезвычайно интенсивно (гораздо более быстрыми темпами, чем «урбанизируется» среда) и его запросы в этой сфере все меньше и меньше отличаются от запросов горожанина.

По ряду показателей в потреблении культурно-бытовых благ различия между деревней и городом стали несущественными (по посещаемости кино, радиофикации, обеспеченности библиотечным обслуживанием и т. д.).

Однако в целом различия еще достаточно велики. Особенно сильно отстают от города в этом отношении небольшие по размерам сельские населенные пункты. Не слу-

чайно миграция из мелких сел, как показывают исследования Ю. Арутюняна и других, авторов намного превышает миграцию из крупных. (При этом жители крупных сел чаще склонны к переезду в другие сельские населенные пункты, чем жители мелких сел, которые покидают свое местожительство чаще всего ради города.)

Социологические исследования показывают, что степень неудовлетворенности культурно-бытовыми условиями во всех группах сельских жителей сейчас превышает степень неудовлетворенности условиями работы. Так, например, если среди механизаторов Краснодарского края только 3% совершенно недовольных своей работой, то доля абсолютно неудовлетворенных культурно-бытовыми условиями составила 17% (стр. 246). При этом требовательность к культурно-бытовой сфере явно нарастает с повышением уровня образования и квалификации. Анализ мотивов потенциальной миграции показал, что во всех трех регионах, где проводились опросы (Калининская область, Краснодарский край, Татарская АССР) неудовлетворенность заработной платой ни разу не оказалась на первом месте (стр. 246).

Несомненно, материальные факторы продолжают играть известную роль в оттоке части сельских жителей в город, однако на первый план в последнее время выдвигаются иные ценности. Это обстоятельство особенно касается молодежи, для которой культурные запросы и возможности повышения образования являются главными мотивами переезда в город¹.

Культурно-бытовое строительство на селе уже много лет ведется более высокими темпами, чем в городе. В соответствии с задачей устранения различий между городом и деревней такое соотношение темпов сохранится и в ближайший исторический период. Материалы, приводимые автором, убедительно демонстрируют правильность политики партии в области сельского культурно-бытового строительства.

Особое значение в связи с этим приобретают социологические исследования, позволяющие учесть спрос различных социальных слоев населения на всем его многообразии, обусловленном демографическим и профессиональными различиями.

Планирование, как это подчеркивалось Л. И. Брежневым на XXIV съезде партии, должно опираться на «точное изучение общественных потребностей». Решение этой задачи, как показывает автор, требует тщательного изучения особенностей социальной среды, в которой находятся сельские жители.

Одним из важных параметров структуры населения является ее национальный состав. И этот аспект проблемы автор увязывает прежде всего с уровнем квалификации и образования различных групп сельского населения.

Выводы, касающиеся роли национального фактора в процессах миграции, социальной мобильности автор изучал на материале Татарской АССР, поэтому без дополнительных исследований нельзя утверждать, что они репрезентативны по отношению ко всей территории страны. Вместе с тем исследования, проведенные в Татарии, позволяют предполагать, что основные закономерности динамики структуры сельского населения являются инвариантными по отношению к национальному составу населения. Это, в частности, показывают приводимые автором сопоставления показателей по районам с преимущественно татарским и преимущественно русским населением. Примечательно, что известные различия в системе предпочтений сельских жителей обеих национальностей наблюдаются в основном у лиц старших возрастов (стр. 190).

Автор на основе эмпирических данных приходит еще к одному важному выводу о том, что «овладение русским межнациональным языком и активное приобщение с раннего возраста к общесоветским формам культуры дают особенно большой общественный эффект» (стр. 193—194).

Изучал автор и такую тонкую и малоизученную психологическую категорию, как «социальное самочувствие». Он пытается установить, какое влияние оказывает на «социальное самочувствие» сельского жителя его существование в «своей» и в «инойнациональной» среде, а также какое значение в связи с этим имеет уровень образования и квалификации (стр. 197 и др.).

Освещая вопросы социальной мобильности сельского населения различных национальностей, автор, в частности, указывает на то, что приобретение высшего образования зависит от степени «урбанизации» населения отдельных республик (стр. 330). По мере сближения города и деревни в союзных и автономных национальных республиках, будут уменьшаться различия между ними по многим показателям в сфере просвещения, культуры и т. д.

Следует заметить, что в некоторых случаях аргументация автора по проблемам национальных особенностей опирается на такие различия между показателями, которые из-за их небольшой величины не могут быть признаны статистически значимыми. При-

¹ Исследуя отношение различных групп населения к условиям сельской жизни, автор затрагивает вопрос о роли чисто сельских ценностей, преимущества естественно-природных условий. Эти преимущества наименее ценят молодые люди и в наибольшей степени — люди зрелых возрастов. В связи с этим автор ставит вопрос о неиспользованных возможностях миграции в село (там, где это необходимо) людей старших возрастов. Ремиграция помимо несомненно экономического значения может иметь и социальное, так как пришельцы из города принесут в деревню более высокий уровень культуры и образования (стр. 265).

мером может служить таблица на стр. 302, где сравниваются производственные показатели русских и татарских колхозов.²

Книга Ю. В. Арутюняна содержит настолько богатый и разнообразный материал, что в данной рецензии затронуты только некоторые из проблем, касающихся структуры сельского населения.

Активное использование научных методов в области социального управления процессами, происходящими на селе, могут серьезно ускорить прогрессивные изменения структуры сельского населения и этим самым способствовать и развитию сельскохозяйственного производства и еще более быстрому росту материального и особенно культурного благосостояния сельского населения.

В. Э. Шляпентох

² Автора можно также упрекнуть в том, что некоторые сопоставляемые им показатели по городу и селу спорны. Так, он считает, что село уже опередило город по числу детей, обучающихся в школе. Однако то, что в деревне на 10 тыс. жителей приходилось еще в 1966 г. больше школьников, чем в городе, объясняется прежде всего иной возрастной структурой сельского населения, более высокой рождаемостью. При сопоставлении числа учителей нужно учитывать существование в селе большого числа небольших школ. Наконец, при сравнении села и города по числу клубов учитывать, что клуб в селе выполняет нередко функции кинотеатра, библиотеки и пр.

Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Часть 1. Приангарье, Новосибирск, 1971, 198 стр.

Культурное и бытовое своеобразие русского населения Сибири, сложившееся сначала под воздействием интонационной среды, а позднее в условиях своеобразной изоляции, издавна привлекало внимание исследователей.

Особенно возрос интерес ученых к насельникам Сибири в последние годы в связи с расширением работ по освоению природных богатств края. Это выразилось в интенсивной экспедиционно-собирательской работе¹, а также в появлении новых статей, монографий, сборников². К числу подобных работ относится и недавно вышедшая книга «Быт и искусство русского населения Сибири».

В рецензируемый сборник вошли семь очерков с весьма разнообразной тематикой, но связанных единым замыслом — показать быт и культуру русского населения Приангарья конца XIX — начал XX в. Благодаря тому, что в сборнике участвовали археологи, историки, этнографы, музыковед и архитектор, стало возможным всесторонне охарактеризовать культурно-хозяйственную деятельность населения, жилище, народную одежду и песенный фольклор, познакомить читателя с историей заселения края.

В статьях использованы материалы, полученные в результате длительного полевого изучения русских, проживающих в бассейне Ангары и ее притоков, а также данные архивов и имеющаяся по этим вопросам литература.

Сборник открывается статьей А. П. Окладникова «Прошлое Приангарья в свете археологии», которая, как пишет автор, «служит своего рода общим историческим введением ко всем остальным статьям, посвященным этнографии русских старожилов Приангарья» (стр. 7). В статье дана широкая панорама археологических работ, проводившихся в Приангарье начиная со второй половины XIX в. Характеризуя добытый археологический материал, автор высказывает мнение, что на основании полученных данных можно «воссоздать в достаточно ярких и определенных контурах прошлое Приангарья на протяжении, по крайней мере, 20—25 тысячелетий» (стр. 20).

В работе Л. М. Сабуровой «Русское население Приангарья» освещены вопросы хозяйственной деятельности русских как в дореволюционный, так и в советский периоды, дана характеристика поселений, жилых и хозяйственных построек, а также народного быта. В известной степени материалы статьи перекликаются с данными книги этого же автора «Культура и быт русского населения Приангарья», вышедшей в 1967 г. и получившей высокую оценку. Тем не менее поместить такую статью в сборнике было необходимо, поскольку в ней содержатся важные для характеристики быта и деятельности русского населения сведения. Читатель знакомится с краткой историей заселения Приангарья разными группами русских и их взаимоотношениями с аборигенами края. Рассказывается также об организации земледелия и системах землепользования, сельскохозяй-

¹ Работа Ангарской экспедиции 1957—1960 гг.; работа Забайкальского отряда 1959—1961, 1965, 1967 гг.; работа комплексной историко-этнографической экспедиции по созданию мемориального заповедника «Сибирская ссылка В. И. Ленина», 1968—1970 гг., где было собрано около 4 тыс. экспонатов.

² В. А. Александров, Русское население Сибири XVII — начала XVIII в., М., 1964; Л. М. Сабурова. Культура и быт русского населения Приангарья, Л., 1967; «Этнография русского населения Сибири и Средней Азии», М., 1969; Н. А. Миненко, Русская семья на Обском Севере в XVIII — первой половине XIX в., «Сов. этнография», 1971, № 6; А. Н. Копылов, Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII веках, Новосибирск, 1968.